

ещё, что это такое), он создавал резонансный исторический журнал со «своим лицом». Не с лицом главного редактора на первом плане (это уже было), а скорее многоликий, работающий в режиме диалога с авторами и читателями. Секиринский видел в обновлённой «Российской истории» территорию дискуссий и обсуждений, объединяющую профессионалов разных школ и направлений.

Весной 2012 г., уже в статусе «главного», Сергей Сергеевич позвонил мне и предложил войти в состав редколлегии. У меня был только один вопрос: «Это нужно тебе *лично?*». Так я стала членом «команды Секиринского». Он собирал единомышленников — не тех, кто одинаково думал (это скучно), а креативных помощников в большом общем Деле. К сожалению, ему было отпущено слишком мало времени на воплощение ещё одного, возможно, самого важного проекта. Он многого не успел. Но и сделанного им с лихвой хватило бы для кого-то другого. Просто он не был «другим» — *наш Сергей Сергеевич*.

Людмила Гатагова: Душа его витает где-то здесь...

Lyudmila Gatagova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): His soul is somewhere here...

DOI: 10.31857/S2949124X25020094, EDN: DPYXKW

Хотя уже прошли годы, Серёжу многие помнят и часто вспоминают. Он не даёт о себе забыть, настолько ощутимым и важным было его присутствие в том пространстве, где мы вращаемся. И в известном смысле он до сих пор в нём пребывает, не уходя из нашей памяти.

Не помню даже, как началась наша дружба. С чего обычно начинается дружба: с общения — сначала случайного, короткого, потом всё более продолжительного. А дальше в какой-то момент обнаруживается, что человек уже давно является частью твоей жизни, что он всегда тебе интересен, а обмен мнениями с ним становится потребностью. И его место некому занять, этот вакуум заполняют только воспоминания. Много лет подряд повторялось одно и то же: он, проходя мимо нашего центра, сначала заглядывал, чтобы убедиться, нет ли заседания, потом заходил и... Нам всегда было о чём потолковать, ведь мы с ним были, как говорится, на одной волне. Секиринский не относился к категории тех, кто просто болтает от скуки. Он обладал редкой чертой: в нём ощущался неистощимый интеллектуальный голод, заставлявший жадно поглощать информацию и извлекать из неё то, что действительно заслуживает внимания. У него было чутьё на всё стоящее. Человек высокой культуры и творчески одарённый учёный, он умел воспринимать многообразие и сложность окружающего мира и генерировать оригинальные, неординарные идеи. «Историк и Художник» — самое яркое его творение. В этом удивительном журнале всё, от начала и до конца, придумал он. И с каждым, кто возьмёт в руки любой из номеров журнала, он вступает в незримый диалог.

Как же теперь нам не хватает его степенности и основательности в движениях и действиях, его утончённого ума и эрудиции, ироничности, самодостаточности и поразительной органичности, благодаря которой он неизменно оставался самим собой без притворства, лицемерия и масок.